

Бакиева Д.А.

СОВЕТСКАЯ ВЕЩЕСТВЕННОСТЬ В ЭКСПОЗИЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: СТРУКТУРА ДИАЛОГОВЫХ ПРАКТИК*

Бакиева, Диана Айратовна — кандидат педагогических наук, ассистент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург, dianabakieva@gmail.com.

В статье анализируется соотношение в гуманитарных науках дефиниций «вещь» и «предмет», а также рассматривается их взаимосвязь с категориями «быт» и «повседневность». Обосновывается интерес музейного сообщества к «идейному миру» советской эпохи. Прослеживаются тенденции увеличения количества экспонатов советского времени в коллекциях отечественных музеев, а также стремления кураторов к актуализации социокультурных смыслов данных предметов на постоянных экспозициях и временных выставках, воссоздающих ушедший период. Подчеркивается значимость коммуникативного метода взаимодействия музейного предмета и зрителя (интерпретатора). Предлагается структура существующих в Санкт-Петербурге диалоговых практик между экспозициями, выстроенными на основе предметов советской повседневности, и музейным посетителем. К элементам структуры отнесены макродиалог (связанный с организацией экспозиционного пространства, воссоздающего обобщенную среду конкретного времени, ориентированного на «эффект присутствия»), а также вводящий зрителя в существовавшие социокультурные и эстетические идеалы; мезодиалог (ознаменованный представлением значимых феноменов, которые представлены конкретными предметами. На обозначенном уровне организации диалога значимой является характеристика предметов, этапы и динамика развития определенного процесса, представленного рядом предметов, содержательные компоненты их создания или ситуации их бытования); микродиалог (в рамках которого воссоздается картина рутинных практик советского человека на примере конкретной вещи).

Ключевые слова: вещь, предмет, советская повседневность, музей, коммуникация, диалог.

SOVIET MATERIAL WORLD IN THE EXHIBITION SPACE OF SAINT-PETERSBURG: STRUCTURE OF DIALOGICAL PRACTICES

Bakieva, Diana Airatovna — Candidate of Science in Pedagogy, Assistant, the Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation, Saint-Petersburg, dianabakieva@gmail.com.

The article analyzes the relationship between the definitions “thing” and “object” in the humanities, and also examines their relationship with the categories “everyday life” and “everyday life”. The interest of the museum community in the “ideological world” of the

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами». Проект 23–18–00419 «Предприятия художественной промышленности Ленинграда 1940–1960-х гг. и их роль в формировании жизненной среды».

Soviet era is substantiated. The trends in the increase in the number of Soviet-era exhibits in the collections of domestic museums are traced, as well as the desires of curators to update the sociocultural meanings of these objects in permanent exhibitions and temporary exhibitions that recreate the bygone period. The importance of the communicative method of interaction between a museum object and the viewer (interpreter) is emphasized. The structure of dialogue practices existing in St. Petersburg between exhibitions built on the basis of Soviet everyday objects and the museum visitor is proposed. The elements of the structure include macro-dialogue (associated with the organization of exhibition space, recreating the generalized environment of a specific time, focused on the “effect of presence”, and also introducing the viewer to existing socio-cultural and aesthetic ideals); mesodialogue (marked by the need to present significant phenomena that are represented by specific objects. At the indicated level of dialogue organization, the characteristics of objects, the stages and dynamics of the development of a certain process represented by a number of objects, the content components of their creation and the situations of their existence may be of interest); microdialogue (within the framework of which the picture of the routine practices of Soviet people is recreated using the example of a specific thing).

Key words: thing, object, Soviet everyday life, museum, communication, dialogue.

Современная социокультурная ситуация характеризуется изменением самого социального и культурного пространства, сменой мировоззренческих и морально-этических ориентаций. Значительно усложняющаяся реальность трансформирует социальные ценности, и вполне закономерным выглядит интерес к советскому периоду отечественной истории: современники осмысливают и заново интерпретируют советское наследие во всем его многообразии. Данная тенденция выражается в музыкальных аллюзиях, оммажах в изобразительном искусстве, но кристаллизуется и проявляется наиболее ярко в деятельности музеев, которые выстраивают свои экспозиции и выставочные проекты с ориентацией на советскую вещественность, представляя ценность и значимость предметов, связанных с повседневной жизнью советского человека, отражающих общественно-значимые тенденции и аккумулирующих социокультурные контексты.

Категория вещественности активно разрабатывается в гуманитарных науках, в рамках которых созданный человечеством материальный предмет, его существование и употребление раскрываются через репрезентацию и актуализацию векторов его использования и применения. При этом значимым является (в соответствии с философским рассмотрением проблемы) разделение дефиниций «вещь» и «предмет», где первая осмысливается через принадлежность кому-то, свою «служебность», а вторая — через обособленное существование, на основе которого возможно воссоздать общую картину культурной эволюции. Именно «предмет», в соответствии с мыслями М. Хайдеггера, оказывается объектом широкого рассмотрения, постоянного обновления смыслов, изменения места в горизонте культуры, тогда как «вещь» представляется более узким понятием, отражающим частные особенности существования отдельных объектов в окружающем пространстве. Соответственно, в контексте феномена «советской вещественности» под вещью подразумевается изделие, принадлежавшее, к примеру, личности, бывшее в употреблении и игравшее роль в жизнедеятельности конкретного человека. Предметом в таком случае выступает изделие, на основе которого можно произвести типологический анализ, охарактеризовать действительность, существующие идеологические и культурные доминанты, интересы общества, в котором оно создано, и т. д.

В то же время в практике и научной литературе наблюдается тенденция к сопряжению терминов «быт» и «повседневность»: в контексте советской вещественности в равной степени используются словосочетания «предмет повседневности», «предмет быта», «повседневная вещь», «бытовая вещь». Отметим, что «быт» и «повседневность» не могут трактоваться как синонимичные понятия. В соответствии с утверждениями А.Д. Манохиной, бытовую составляющую необходимо рассматривать в ракурсе ежедневного использования вещи, рутинности применения, наделения конкретного изделия субъектно-значимыми смыслами¹. В таком случае «повседневное» представляется более широким понятием: объекты повседневности выступают как результат культурных достижений, знаменующие разрыв культурной преемственности, могут выступить в типологической роли и приобретают интересубъектную форму. Согласно подобному подходу, корректной будет являться связь дефиниций «быт» — «вещь» и «повседневность» — «предмет».

Определение ключевых понятий играет значимую роль в анализе практического осмысления темы советской вещественности и ее презентации в современных музеях. В целом, экспозиционная деятельность музеев на сегодняшнем этапе характеризуется направленностью на выстраивание коммуникации и диалога со зрителем. Само понятие «коммуникация» с середины XX в. активно разрабатывается в теории коммуникации (Т. Ньюкомб, Д. Камерон, О.С. Сапанжа, Ф.И. Шарков, Р. Крейг) и используется в разных областях культурной и социальной деятельности (маркетинге, масс-медиа, музеологии и проч.). Обобщенно музейная коммуникация связана с передачей целостного информационного сообщения (О.С. Сапанжа)², социокультурного опыта, контекстуального содержания путем общения посетителя с музейными экспонатами. Однако подобное коммуникативное взаимодействие возможно лишь при наличии соответствующих условий: 1) присутствия у зрителя навыка восприятия специфического «языка» музейных экспозиций; 2) организации такого выставочного пространства, где идеи, воплощенные в материальных предметах, были бы понятны и раскрывали различные аспекты исследуемой проблемы или вопроса.

Соответственно, суть музейной коммуникации составляет непосредственное столкновение, «встреча» субъектов коммуникации — носителей разных идей, взглядов, традиций, их прямой контакт и взаимодействие, в результате которого происходит рождение новых смыслов. В качестве носителей идей могут выступать не только артефакты культуры, памятники искусства, но и предметы повседневности, в том числе и вещи советского быта. При этом перед экспозиционерами встает задача не только отразить бытование предметов и их утилитарную принадлежность, но и раскрыть «идейный мир эпохи». Каким же образом выстраивается диалог посетителя с музейным экспонатом в контексте представления объектов советской вещественности? Современные музеи предлагают несколько вариантов: макро-, мезо- и микродиалог.

Макродиалог подразумевает создание экспозиции, где посетитель оказывается «внутри» социокультурных и повседневных практик конкретного временного отрезка. Соответственно, музеи ориентируются на создание аутентичного или приближенного к реальности выставочного пространства, наполненного предметами повседневности, создающими «эффект присутствия». Данный тип экспозиционно-выставочной деятельности ориентируется

¹ Манохина А.Д. Культура советской повседневности в экспозициях исторических музеев Санкт-Петербурга // Вопросы музеологии. 2018. № 1. С. 85.

² Сапанжа О.С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 246.

на включение зрителя в диалогическое взаимодействие путем создания обобщенной среды, знакомящей с «большим историческим временем» (в соответствии с терминологией М.М. Бахтина). Макродialog, традиционно «осуществляется посредством реминисцентно-аллюзивного введения “чужого слова” — сюжетов, мотивов, образов, мифологем, относящихся к разным пластам культуры»³. Музейный посетитель, в таком случае, погружается в контекст существовавшей традиции и включается в «беседу» с образами, семантическими пластами, широкими культурными нормативами и эстетическими идеалами.

В рамках макродialogа музейной экспозиции с посетителем, «вошедшим» в нее, выстраивается непрерывная и стихийная коммуникация, которая обладает принципом неопределенности: невозможно отследить четкое начало и конец взаимодействия, также невозможно выявить конкретный стимулятор общения, т.к. предметы обобщаются до типологически-сходных архетипов конкретного воспроизведенного исторического периода. По словам А.А. Грякалова, в подобном пространстве «в одном временном интервале сосуществует наличное множество содействующих и противодействующих установок: теряет актуальность представление о центричности»⁴, кластеры коммуникативных связей основываются не на «сложении» смыслообразующих объектов, но на их синергии.

В качестве примеров макродialogа посетителя и музеев, в которых представлены объекты советской вещественности, рассмотрим экспозицию Музея повседневной культуры Ленинграда 1945–1965. «XX лет после войны», а конкретно экспозицию «Комната советской учительницы». Данное пространство воспроизводит обстановку обобщенной комнаты, наполненной предметами советской повседневности: посетитель «входит» в контекст существовавших культурных доминант эпохи, переступив порог комнаты. Представленная совокупность артефактов: швейная машинка, фотографии, комод и даже ковер на стене, становится единым коммуникативным каналом, который переносит посетителя в пространство макродialogа с социокультурным контекстом, особенностями взаимодействия и организации быта и досуга человека иной эпохи. Зритель «примеряет» на себе роль жителя этой комнаты, обращает внимание на комфортность пребывания в ней, сопоставляет себя с собирательным образом владельца этого помещения. В целом, ролевая направленность играет важнейшее значение в воссоздании в музее любого «аутентичного» пространства, и макродialogическое взаимодействие посетителя с этим пространством является тому подтверждением.

Выстраивание *мезодialogа* музейной экспозиции и посетителя основывается на тезисе о необходимости представления не только культурных смыслов и в целом идейного мира советской эпохи на примере повседневных предметов, но и на значимости воссоздания конкретной проблемы или определенного элемента ежедневной практики советского человека. По сути, данный тип диалога является способом, с одной стороны, представления основных (но совершенно конкретных) парадигм развития социума, с другой — освоения музейным зрителем через предметы отдельных ракурсов эволюции советской действительности.

Содержательно взаимодействие в рамках мезодialogа строится на стремлении освоения социокультурных «маркеров», которыми была ознаменована исследуемая эпоха. На обозначенном уровне организации диалога могут представлять интерес характеристика

³ Круглова Т.С. Макродialog и микродialog в культуре Серебряного века // Вестник славянских культур. 2009. № 3. С. 61.

⁴ Грякалов А.А. Философия и транспедагогика детства // Инновации и образование. СПб., 2003. С. 54.

предметов, этапы и динамика развития определенного процесса, представленного рядом предметов, содержательные компоненты их создания и ситуации их бытования. То есть цель создания, анализ использованных средств, нормы и правила использования предмета, контекст, в котором разворачивалась ситуация, связанная с конкретным артефактом. В таком случае, взаимодействие между посетителем и музейной коллекцией будет проявляться более тесными связями и будет основываться на формировании субъектно-значимых смыслов относительно исследуемого феномена.

В рамках мезодиалога коммуникация посетителя музея и предмета советской вещиственности происходит в пределах конкретной содержательной темы, подразумевает наличие социокультурной проблематики и требует более плотного общения между субъектами взаимодействия (в данном случае, посетителя и предметов). Для актуализации получаемой информации в процессе постижения экспозиции зрителем музеем требуется представление типологических цепочек культурных фактов, необходимых для формирования у наблюдателя образа «в развитии», его изменчивости в культуре и повседневности. При этом необходимо делать акцент на известных и понятных «текстах», которые помогут посетителю находить параллели и, углубляя и расширяя ассоциативный спектр, глубже погружаться в социокультурный контекст. Иными словами, мездиалог направлен на интериоризацию проблематики и культурных смыслов, которые заложены в конкретных экспонируемых предметах.

Вариантами мезодиалога могут служить выставочные проекты, в рамках которых раскрываются аспекты советской повседневности на примере конкретных тем или идей. Одним из вариантов такой экспозиции является выставочный проект «Первая позиция. Русский балет» в Центральном выставочном зале «Манеж» г. Санкт-Петербурга. На экспозиции различными средствами была раскрыта тема развития балетного искусства, а также отраслей иной деятельности, связанной с постановками (костюмеры, композиторы, сценаристы и т.д.). В рамках данной статьи значимой является экспозиция мелкой фарфоровой пластики (балетных персонажей), представленная в отдельной витрине. Экспонированные фарфоровые фигуры выдающихся балерин (Балерина Карсавина, исполняющая партию Сильфиды, Ленинградский фарфоровый завод; Балерина Уланова в концертном номере Умирающий лебедь, Ленинградский фарфоровый завод и др.) явили собой предметы советской повседневности, связанные с изменениями пространственной среды, окружавшей человека 1950–1960-х гг.

Представленные на выставке произведения мелкой фарфоровой пластики несли в себе значимый разворот для диалога между посетителем и экспозиционером: статуэтки были представлены в нетипичной витрине, которая напоминала сервант. Аллюзия на советскую повседневность, в условиях которой ценные и значимые предметы хранились «за стеклом», создавая личную коллекцию, считывалась посетителем легко. Однако наиболее ценным было типологическое представление данных статуэток, позволяющих зрителю, даже неподготовленному, ознакомиться с определенным вопросом, а также сформировать личностное отношение к особенностям жизни советского человека.

Во-первых, посетитель, ознакомившийся с витриной, мог понять, что продукция Ленинградского фарфорового завода, и, в частности, статуэтки балерин, несла утилитарную функцию: присущее личности желание украсить свой интерьер, привнести уют и индивидуальность проявилось в увеличении спроса на фарфоровую продукцию. Во-вторых, большое количество предметов наталкивало на мысль о доступности цены, которая обеспечивалась за счет большого тиражирования предметов. В-третьих, подобные предметы

стремились восполнить потребность общества в приобщении к «высокой» культуре, образцам балетного и оперного искусства. В-четвертых, представление цепочки разнообразных, но типологически близких предметов наталкивало на мысль, что человек, живший в советское время, ценил красоту как окружающего жизненного пространства, так и красоту предмета «в себе». И, наконец, подобная демонстрация в витрине—«серванте» создавала намек на нацеленность советского человека к созданию личной коллекции.

Рождаемые ассоциации и открытия, связанные с мезодиалогом посетителя и предмета повседневности в музейном пространстве, обуславливаются возможностью познакомиться не только с конкретным образом, идеалом или артефактом культуры, но рассмотреть его в динамике, в поле семантических пластов, с возможностью «наслаивания» дополнительных догадок и предположений. Подобный тип взаимодействия посетителя и предмета в музейном пространстве остается важнейшим для формирования представления «от частного к общему», и, к сожалению, встречается недостаточно часто.

Обратимся к рассмотрению *микродialogа* посетителя музея и экспоната на примере советской вещественности. Данный тип взаимодействия связан с формированием «близости» между коммуницирующими субъектами (в данном случае, между зрителем и предметом). В условиях микродialogа воссоздается картина рутинных практик советского человека на примере конкретной вещи. В этом случае мы имеем право говорить именно о вещи ввиду обращения к определенному объекту, который представлен в единственном экземпляре, несет на себе отпечаток бытования, активного использования и «служебности», т.е. принадлежности какому-то человеку, а не абстрактной совокупности владельцев.

Микродialog, в соответствии с концепцией М. Бубера, связан с выстраиванием представлений о взаимодействии «я» и «ты», где «ты» — это личностно-значимый субъект, не находящийся в близости или доступности, но с которым индивид ведет внутреннюю беседу. По сути, микродialog является разговором без реального, физического собеседника. Как писал М.М. Бахтин: «Второй собеседник присутствует незримо, его слов нет, но глубокий след этих слов определяет все наличные слова первого собеседника. Мы чувствуем, что это беседа, хотя говорит один, и беседа напряженнейшая, ибо каждое наличное слово всеми своими фибрами отзывается и реагирует на невидимого собеседника, указывает вне себя, за свои пределы, на несказанное чужое слово»⁵.

Обозначенный диалог может и чаще всего начинается на основании какого-либо стимула: воспоминания, проживания ситуации, значимого события, обращения к личной вещи и проч. Применительно к музейной экспозиции, выстраивание микродialogа с посетителем является наиболее трудновыполнимой задачей: импульсом к выстраиванию взаимодействия между посетителем и конкретной вещью может стать непредсказуемый «толчок», индивидуально-значимое состояние, связанное с субъектным восприятием предмета, выступающим как катализатор выстраивания разнообразных смысловых значений относительно вещи или явления. Системообразующим отличием микродialogа от иных форм взаимодействия посетителя и экспоната является спонтанность, ситуативность и нелинейность, на основе которых формируется личностное поле ассоциаций, а процесс постижения социокультурного опыта, представленного в конкретном изделии, становится многоступенчатым и важным для человека.

Образцом микродialogа может стать любая бытовая вещь, представленная на экспозиции музея, окрашенная индивидуальным отношением. В качестве примера можно

⁵ Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского // Он же. Собрание сочинений. М., 2002. Т. 6. С. 77.

обратиться к объекту, находящемуся на экспозиции «Коммунальный рай, или Близкие по-неволе» (Особняк Румянцева, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург). В одной из витрин располагается механическая бритва производства Ленинградского электромеханического завода «Спутник» (бывший Ленинградский патефонный завод). Данная вещь на существующей экспозиции не имеет типологического значения и не включена в «аутентичную» экспозицию, она вынесена в отдельное выставочное пространство. Подобное изделие встречалось в доме почти каждого советского человека и не несло в себе сакрального значения: вещь вполне утилитарная, бывавшая в использовании, что отражено в ее внешнем виде. Однако именно такой объект и может трактоваться как «бытовая вещь» и заключать в себе личностные смыслы. Согласно опросу сотрудников данного музея, именно у электробритвы посетители восклицают «у моего отца была такая же», «она лежала у меня дома», «мой дед пользовался точно такой же бритвой», «как будто на секунду перенеслась в детство», «я помню ее звук». Все эти восклицания являются отражением взаимодействия с конкретной вещью и ее значимостью для выстраивания ассоциативного ряда музейного посетителя.

Следует отметить, что подобный диалог может произойти с любым предметом, даже если экспозиционер планировал включить музейного зрителя в контекстуальный мезо- или макродиалог. Возможность «зацепиться глазом» за один из экспонатов и выстроить с ним микровзаимодействие присутствует на любой выставке или в музее, особенно если они так или иначе связаны с предметами советской повседневности, истории, которая так или иначе коснулась каждого современника.

В целом, обращение к теме различных вариантов диалога посетителя и предметов, связанных с советской вещественностью, позволяет актуализировать пути развития экспозиционно-выставочной работы современных музеев и может стать теоретическим основанием для практической реализации проектов репрезентации предметов советского быта. Дифференциация существующих подходов к построению взаимодействия музейного зрителя с объектами повседневной культуры, с одной стороны, кристаллизует тенденцию обращения к периоду советской истории с точки зрения презентации обыденной жизни человека. С другой стороны, демонстрирует значимость теоретического осмысления существующего опыта включения предметов повседневности и бытовых вещей в экспозиции и выставочные проекты современных музеев.

Список литературы

- Грякалов А.А. Философия и транспедагогика детства // Инновации и образование. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. С. 53–62.
- Круглова Т.С. Макродиалог и микродиалог в культуре Серебряного века // Вестник славянских культур. 2009. № 3. С. 60–63.
- Манохина А.Д. Культура советской повседневности в экспозициях исторических музеев Санкт-Петербурга // Вопросы музеологии. 2018. № 1. С. 83–92.
- Сапанжа О.С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 245–252.

References

- Gryakalov, A.A. Filosofija i transpedagogika detstva [Philosophy and transpedagogy of childhood], in *Innovacii i obrazovanie*. Saint-Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2003. P. 53–62. (in Rus.).

Kruglova, T.S. Makrodialog i mikrodialog v kul'ture Serebrjanogo veka [Macrodialogue and microdialogue in the culture of the Silver Age], in *Vestnik slavyanskikh kultur*. 2009. Vol. 3. P. 60–63. (in Rus.).

Manokhina, A.D. Kul'tura sovetskoj povsednevnosti v jekspozicijah istoricheskikh muzeev Sankt-Peterburga [The culture of Soviet everyday life in the exhibitions of historical museums of Saint-Petersburg], in *Voprosy muzeologii*. 2018. Vol. 1. P. 83–92. (in Rus.).

Sapanzha, O.S. Razvitie predstavlenij o muzejnoj kommunikacii [Development of ideas about museum communication], in *Izvestia RGPU im. A.I. Gerzena*. 2009. Vol. 13. P. 245–252. (in Rus.).